

ОТ ПОЗДНЕГО ЕЛЬЦИНА К РАННЕМУ ПУТИНУ

Время требует новых слов

Несмотря на то, что Путин еще не окончательно утвердился на троне, характерные черты его политики и фразеологии и их различия с политикой и фразеологией его предшественника обозначились уже достаточно явно.

Если Ельцин шел к власти под лозунгами демократии и прав человека, то Путин — под лозунгами порядка и дисциплины. Ельцин — «могильщик коммунизма», до конца своего правления принимавший позу гаранта от «красного» реванша. Путин самые первые и яркие шаги в качестве и. о. президента делает в направлении примирения с коммунистами. И хотя ближе к президентским выборам Путину и Зюганову, видимо, придется разыгрывать какое-то идейное противостояние, ясно, что отношения новой власти с коммунистами будут иными, чем при Ельцине. Зато либеральные СМИ, которым Ельцин позволял практически неограниченную свободу, — Путин, скорее всего, попытается ограничить.

В области экономики ничего ясного Путин пока не сказал и не сделал, но очевидно, что никаким Пиночетом от него не пахнет — ему скорее присуще стремление усилить государственный контроль над экономикой и проводить политику государственной поддержки «стратегически важных для развития российской экономики» предприятий (читай — установить отношения взаимной поддержки с группой крупнейших бизнесменов). Если Ельцин в начале своего правления — страстный западник, для которого высшей честью было вхождение в «семерку» и панибратское «ты» с западными лидерами, то Путин в Давос не поехал, а его акцент на «национальных интересах» и «великой России» говорит, что эпоха разговоров на «ты» кончилась. Война с чеченцами никогда не занимала в риторике и политике Ельцина центрального места, для Путина она имеет кардинальное значение — он набрал популярность прежде всего как борец с Чечней.

Многие недоумевают: почему Ельцин подобрал себе в преемники человека, чьи позиции вроде бы так отличаются от его собственных? Чтобы разобраться в этом, мы прежде всего должны учесть, что различия Путина и Ельцина — это различия Путина и «раннего» Ельцина периода 1991—1993 гг., когда в основном сформировался образ нашего первого президента, а не Путина и Ельцина образца 1999 г., когда он санкционировал уже вторую (первую можно было считать «ошибкой») чеченскую войну и напоминал «другу Биллу», что у него есть атомная бомба. За восемь лет правления ельцинские фразеология и политика прошли очень большую эволюцию. Вполне вероятно, что Ельцин хотел бы продвинуться и дальше в «путинском» направлении, но мешали возраст и прошлое.

Возникает ощущение как бы единой эволюции «президентской» фразеологии и политики, плавно переходящей от «раннего» Ельцина к «позднему», а затем к «раннему» Путину, как будто эта эволюция идет вне зависимости от тех, кто исполняет президентские функции. Ельцин 1999 г. резко отличается от Ельцина 1991 г. просто потому, что прошло восемь лет, но очень мало отличается от Путина 2000 г., потому что не прошло и года. Специфически ельцинское или

путинское, не зависящее от времени, конечно, есть, но оно связано прежде всего с манерами, со стилистическими особенностями.

Столь же иллюзорны и различия между Путиным и его основными соперниками за место единого кандидата «партии власти», которых соратники Путина еще совсем недавно, во время думских выборов, «мочили» как могли. Поворот к дистанцированию от Запада и «отстаиванию национальных интересов» произвел отнюдь не *Пуши*, а его недавний конкурент Примаков (а наметился он вообще при «позднем» Козыреве). Терпимость к коммунистам, попытки войти с ними в сговор — главное обвинение, которое «семейные» СМИ предъявляли Примакову и Лужкову. Сильные слова о порядке и дисциплине произносили и Примаков, и Лужков, а уж о государственности и патриотизме кто только у нас не говорит. То, что Примаков и Лужков не были доверенными людьми «семьи», — совершенно очевидно, но попробуйте указать какие-либо иные политические и идейные различия их с Путиным — ничего не получится. Поэтому и полемика путинцев с Примаковым приобрела характер травли старого человека мальчишками-хулиганами — «старый примус, уходи».

Итак, мы видим: есть слова, которые должны быть произнесены властью в определенное время и вне зависимости от того, кто находится у власти — один и тот же человек, который в разные годы говорит разные слова, или разные люди. Что же за логика стоит за этой сменой слов? Можно ли сказать, что она отражает изменения общественных настроений? Параллелизм перемен в народном сознании и в президентской фразеологии несомненен. Но народное сознание — неизмеримо сложнее, многомернее, лидер государства «осваивает», вербализует лишь какую-то часть противоречивых народных мыслей и чувств, да и сами эти мысли и чувства в какой-то мере определяются государственной пропагандой. Зато, как я думаю, есть прямая зависимость президентской риторики от меняющихся интересов, а соответственно, мыслей и настроений господствующего класса.

Разумеется, фразеология Ельцина начала 90-х («демократия», «рынок» и т. д.) не может быть выведена из интересов позднесоветской элиты, стремившейся стать элитой западного типа. Все эти слова и понятия не ею и не в России изобретены, и произносила их вначале не бюрократия, а диссидентствующая интеллигенция. Но нашей бюрократической элите использование этой риторики предоставляло возможность превратиться из очень хорошо оплачиваемых, но все же «винтиков» государственной машины в свободных и богатых людей. Не сами по себе, но функционально, для российской бюрократии слова «демократия», «рынок», «права человека» в 1991—1993 гг. означали идеологию элитарно-криминальной революции. (Как слова «коммунизм», «Ленин», «Сталин» и призывы к борьбе с американцами и «сионистами» стали объективно, вне зависимости от своего реального содержания, идеологией ограбленных этой революцией, идеологией протеста.)

И эволюция президентской риторики также обусловлена эволюцией интересов господствующего класса, выражающихся в форме, которая дана культурой. Что же захотел господствующий класс после того, как его представители уже разграбили общественное достояние? Закрепить свое новое положение. Какие же здесь перед ним возникают задачи?

1. Самая общая задача — добиться всеобщего согласия с результатами приватизации. Эта тяга к согласию видна даже в названиях наших правительственных и претендующих на роль правительственных политических объединений. Если первой партией, претендовавшей на статус партии власти, был

«Демократический выбор России», то дальше пошли «Наш дом — Россия», «Отечество», «Вся Россия», «Единство». Стоящая за ними идея стара, как мир: «Пусть одни богаты, а другие бедны, одни обворованные, другие воры, но зато все мы — россияне».

2. Хотя сложившаяся у нас «ельцинско-зюгановская» политическая система сводит угрозу со стороны народа до минимума, она не может обеспечить окончательной легитимизации результатов приватизации и гарантировать элите спокойствие. Все-таки остается КПРФ, мощная партия, которая продолжает говорить об ограблении народа и неизбежности расплаты. Поскольку уничтожить ее, как еще недавно призывал Березовский, трудно и опасно, теперь тот же Березовский советует включить ее в «общенациональное согласие» (если нельзя убить, надо купить). Это вполне возможно, поскольку лидеры компартии, в отличие от ее электората, сами люди небогатые и кое-чем при дележе собственности попользовались, так что и у них есть стремление к «единству» и усталость от роли «народных заступников».

Новая линия на примирение с коммунистами сначала обозначилась в действиях и словах лидеров элиты, не принадлежащих к президентскому окружению, даже несколько оппозиционных. Хотя эта линия и отражала общие стремления правящего класса, в какой-то мере гнуть ее было еще опасно, поскольку это грозило расколом правящего слоя и разрушением сложившейся системы фактически безальтернативных выборов верховной власти. Путин же, избавленный от этой угрозы и не скованный ельцинским прошлым, делает политику идеологического замирения официальной и безопасной.

3. Национальное сплочение требует врага, переключения внимания народа с проблем социальных на проблемы внешние. Один такой враг есть — Чечня. Но Чечни недостаточно, и поиски врага неизбежно должны идти в западном направлении. Почему — западном, а не, скажем, китайском или мусульманском?

Поскольку процесс разграбления государственной собственности шел под «западническими» лозунгами, социальный протест естественно принял антизападную форму. Чтобы отвлечь народное негодование от самой себя, элита должна использовать именно антизападный компонент идеологии протеста. Есть и еще одна, и все более выступающая на первый план причина: западная правовая система становится все опасней для нашего истеблишмента. Вначале элита этой опасности не видела и не понимала, наивно полагая, что на Западе деньги решают все, а уж деньги-то у нее будут, и что «если мы им от коммунизма отказались и СССР развалили, то теперь они должны на нас молиться». Но западное общество оказалось не совсем таким, как ожидалось, и, кроме того, стало быстро эволюционировать в сторону все большего возрастания роли международно-правового регулирования и ограничения национальных суверенитетов. Наша элита стала все больше ощущать всякие неудобства и даже опасаться за личную и имущественную безопасность. Если можно арестовать Пиночета, значит, никакие заслуги в борьбе с коммунизмом не дают иммунитета (а тогда за что боролись?). Если какая-то Швейцария может выдать ордер на арест Бородина, то кто вообще может чувствовать себя спокойно? Поэтому к народному антизападничеству как части идеологии протеста прибавляется антизападничество, прирастающее из непосредственных интересов и фобий элиты.

4. Закрепление результатов приватизации предполагает и достижение единства господствующего класса. Опасность его политического раскола уже в основном преодолена, но нужно нечто большее — некоторое обуздание хищнических импульсов элиты, ведущих к постоянным склокам и кровавым «разборкам». А для

этого требуется, естественно, не правовое, но «сильное» государство, которое если не прекратит «разборки», то монополизирует и упорядочит их, чтобы конкуренты, ищущие «справедливости», обращались не к киллерам, а записывались на прием к президенту или его помощникам. Для этого же нужно обуздать прессу, чтобы компромат поступал не в печать, а туда же, куда он поступал в «доброе старое время».

5. Лозунг рынка в начале 90-х гг. был для элиты лозунгом идеологическим — стремилась она не к рынку как таковому, а к собственности и «красивой жизни». Сами же по себе рынок, свободная конкуренция особенно привлекать нашу элиту не могут. Психологические и интеллектуальные качества, которые были необходимы для успехов в ходе приватизации, — это совсем не те качества, которые нужны для успехов в рыночных условиях, в которых наши «акулы бизнеса» скорее всего тут же разорились бы. Поэтому лозунг рынка, необходимый для оправдания грабежа, уже не годится для закрепления награбленного. Естественно, о возвращении к социализму и речи быть не может. Но нужны «усиление экономической роли государства», «поддержка стратегически важных предприятий», то есть идеология и политика, цель которых — не дать новым собственникам разориться в условиях настоящей рыночной конкуренции.

Вот, собственно говоря, и весь Путин. Хотя наша элита в целом никакого участия в его выдвижении не принимала и поэтому его побаивается, все его «президентские» слова и мысли — слова и мысли этого класса, ибо другим просто неоткуда взяться. Ясно, что его личность и его генезис (для охраны собственности прекрасно подходит человек из охранки, в некотором роде специалист по охране) внесут в реализацию этих задач свой неповторимый колорит, но сами задачи не им поставлены и лозунги не им выдуманы. И кто бы ни оказался на его месте, он стал бы говорить примерно те же слова и проводить примерно ту же политику. Реальная альтернатива Путину появилась бы в ситуации раскола элиты и реально альтернативных выборов (например, если бы сложился союз Примакова с коммунистами и они вместе выступили бы против кандидата «партии власти»). Крохотный шанс на это был. Но мы его упустили. А может быть, его и не было, и я ошибаюсь.